

УДК 553.411:06.05

СТАЛИНСКИЕ ПРЕМИИ ГЕОЛОГАМ. ЧАСТЬ II. ОТКРЫТИЯ В ЗЕМЛЕ СИБИРСКОЙ. ПЕРВОСТЕПЕННОЕ ЗОЛОТО

В. Ф. Свинын

Статья из цикла о Сталинских премиях за геолого-разведочные работы на территории Сибири (окончание, начало см. в № 1 за 2013 г.) посвящена истории открытия и освоения «золотой Колымы» в 1928–1946 гг. События этих лет, наряду с романтикой первых Колымских экспедиций Ю. А. Билибина и В. А. Цареградского, включают и создание на юго-востоке страны своеобразного гулаговского «монстра» – треста «Дальстрой», и становление геологии россыпных месторождений золота, и резкие повороты в судьбах людей, посвятивших свою жизнь освоению этого сурового края. Высказываются также соображения о том, почему открытие месторождений полезных ископаемых далеко не сразу стало объектом внимания соответствующего Комитета по Сталинским премиям.

Ключевые слова: Сталинские премии за выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы, Яно-Колымская золотоносная провинция, первые Колымские экспедиции, Ю. А. Билибин, россыпное и рудное золото, трест «Дальстрой», Э. П. Берзин, промышленное освоение юго-востока СССР

STALIN PRIZES TO GEOLOGISTS. PART II. DISCOVERIES IN SIBERIAN EARTH. PRIME GOLD

V. F. Svinin

The article of the series about the Stalin Prize for geological exploration in Siberia (see N 1, 2013) is dedicated to history of «The gold Kolyma» discovery and development in 1928–1946. The events of those years, along with the romanticism of the first Kolyma expeditions of Yu. A. Bilibin, V.A. Tsaregradskiy, include the creation both the peculiar Gulag “monster” – “Dalstroy” trust in the south-east of the country, and establishing of gold placers geology, and the sharp changes in fates of people, devoted their lives to the exploration of this harsh land. There are also thoughts about the question of why the discovery of minerals did not become immediately the object of regard of the relevant Stalin Prizes Committee.

Keywords: Stalin Prizes for outstanding inventions and radical improvements of production job methods, Yana-Kolymskaya gold-bearing province, first Kolyma expeditions, Yu. A. Bilibin, placer and stream gold, “Dalstroy” trust, E. P. Berzin, minable exploration of the USSR south-east.

Зачинатели «Золотой Колымы» – жизнь и судьба

В этой части статьи мы более подробно расскажем о людях, с чьего появления на Колыме и началась современная история края. Все они стояли у истоков того дела, которое в Постановлении Совнаркома от 26 января 1946 г. «О присуждении Сталинских премий» было официально названо «открытием и исследованием новых месторождений золота на Северо-Востоке СССР». Биографии их сложились по-разному. Одни прямо поименованы в указанном постановлении, фамилии других встречаются в документах совсем иного рода. Начнем с лауреатов СП (первой, заметим, степени).

Список награжденных (рис. 1) содержит шесть фамилий. И все они вошли туда совершенно заслуженно, поскольку были не только инициаторами (Ю. А. Билибин и В. А. Цареградский) или участниками (С. Д. Раковский, П. М. Шумилов, Б. И. Вронский, Е. Т. Шаталов) первых Колымских экспедиций (то есть пришли сюда еще до Дальстроя), но и посвятили этому краю главную часть своей профессиональной жизни (а некоторые и всю).

ФГУП «СНИИГГиМС» (Новосибирск)

Самой колоритной и известной личностью является, несомненно, Юрий Александрович Билибин (1901–1951) (рис. 2, а) Из старинного купеческого рода Билибиных наибольшую память о себе, кроме Юрия Александровича, оставил Иван Яковлевич Билибин – художник «Мира искусства», иллюстратор русских сказок и А. С. Пушкина. Родство у них с нашим героем, впрочем, довольно дальше. Отец Ю. А. Билибина был в царской армии в высоком чине полковника, но как-то сумел урегулировать отношения с новой властью, и для сына никаких помех в дальнейшем с этой стороны не возникло. Тем более что сам Юрий в 18 лет вступил добровольцем в Красную Армию. Служил, правда при штабе, в серьезных боях не участвовал. В Петроградский горный институт поступил без проблем, еще студентом не раз бывал в экспедициях на Урале и в Сибири, тогда, видимо, и наслушался легенд о богатых золотом северо-восточных краях. В трест «Алданзолото» после окончания учебы, Билибин попал по рекомендации В. А. Обручева, но, скорее всего, и не без собственного желания. Дальнейшее известно: по сути, этот человек и затянул на Колыму всех прочих будущих ее героев. О нем много написано – и в научном, и в мемуарном, и в художественном

жанре. Он сочетал в себе качества геолога-полевика, ученого-аналитика и начальника-организатора. Обладая характером энергичным и неуступчивым, он недолго (до 1933 г.) продержался в роли непосредственного руководителя геологоразведки в Дальстрое, поскольку раздражал руководство своим «излишне научным» подходом к планированию ГРП и откровенно высказываемыми сомнениями в том, что нужно искать рудное, а не россыпное золото.

Вернувшись в Ленинград в середине тридцатых, Билибин целиком занялся наукой и стал, по сути дела, одним из основателей металлогенического направления исследований в советской геологии (наряду с А. Н. Заварицким, С. С. Смирновым и др.). Изданная в 1938 г. книга «Основы геологии россыпей» до сих пор не утратила своего значения, прежде всего как учебник для студентов соответствующей специальности. Вообще, следует признать: несмотря на всю значимость колымских подвигов Билибина, главным его делом была наука. И далеко не все его научные труды относятся к территории Колымы (в том числе, между прочим, и докторская диссертация). В Сибири и до и после колымского периода он бывал неоднократно и во многих местах (Алдан, Джугджур, Забайкалье), но относительно Дальстроя достоверно известно только еще об одном приезде, причем достаточно важном с точки зрения дальнейшего развития здесь геологоразведки. В 1938 г., когда судьба арестованного и объявленного «врагом народа» Э. П. Берзина была уже решена, НКВД создал ряд комиссий для расследования «вредительских действий бывшего директора и его банды». Экспертами по геологической части были названы ленинградские профессора С. С. Смирнов и В. Н. Зверев, а также «неостепененный» еще сотрудник ЦНИГРИ Ю. А. Билибин. Комиссия действительно нашла немало недостатков в организации геолого-разведочной службы Дальстроя. Ее выводы и рекомендации, кроме того что подтвердили версию органов о шпионских замыслах Берзина (что печально, поскольку Эдуард Петрович при всех своих недостатках геологоразведчиков очень уважал и, как мог, заботился о них), послужили вскоре основанием для целого ряда организационных мер, воплощать которые довелось уже новому руководству этого направления деятельности Дальстроя в лице В. А. Цареградского.

В 1941 г. Ю. А. Билибин защитил докторскую диссертацию, и в 1943 г. ему эту ученую степень присвоили. А в 1946 г. он стал не только лауреатом Сталинской премии, но и членом-корреспондентом Академии наук СССР. Стал бы, видимо, и полным академиком, но судьба отпустила ему немного времени: он умер в возрасте 50 лет, оставив память о себе на той земле, изучению которой посвятил большую часть жизни: его имя носят пик Билибина, гряда Билибина, а также город

Билибино – центр Билибинского района (правда, почему-то на Чукотке, где Юрий Александрович никогда не бывал) и еще несколько не столь крупных географических объектов.

Серьезный и ответственный в принятии важных решений, в кругу друзей Билибин был веселым парнем, способным на забавные розыгрыши и дурачества. В книге [2] приводится рассказ о том, как 26-летний Билибин, работая еще в «Алданзолоте» и постоянно ища подтверждения собственным мыслям о направлении дальнейших поисков, иногда специально подзуживал на спор приятелей, а чтобы победа оставалась за ним, устраивал хитрые пари с «суровыми» условиями. В рассказе фигурирует следующий «протокол»:

«Столица Алданского края – поселок Незаметный. Октябрь, 5-го дня 1927 года.

Мы, нижеподписавшиеся, Билибин Ю. А. – с одной стороны, Бертин Э. П.¹ – с другой стороны и Бертин В. П.² – с третьей стороны, как третейский судья, заключили настоящий договор о нижеследующем:

I. Обе стороны под строгим наблюдением третьей будут пить чистейший спирт.

II. Пить оный будут из чайника вместимостью два литра.

III. Пить из одного чайника, не отрываясь, пока не опорожнится, постепенно наклоняя оный вниз и лия беспрерывной струей.

IV. Первым пьет Билибин Ю. А., вторым – Бертин Э. П.

V. Кто чайник выпьет, тот и выиграет: Билибин Ю. А. – Чукотку, Бертин Э. П. – Колыму».

Выпить двухлитровый чайник чистого спирта – задача, непосильная даже для сибирского старателя (строго говоря, это смертельная доза). Простодушный Э. Бертин, видя, как лихо «справился» с задачей Билибин (в свой чайник наливший воду – «третейский судья» не усмотрел, хотя потом догадался), все же попробовал, но быстро вынужден был отказаться. Билибин ни на какую Чукотку не собирался³, он уже основательно изучил материалы коллег, ранее побывавших на Колыме и Индигирке: И. Д. Черского, К. И. Богдановича, С. В. Обручева, Ю. Я. Розенфельда, и свою цель осознавал вполне четко. Но розыгрышем остался очень доволен.

¹ Бертин Эрнест Петрович – друг Ю. А. Билибина, неприменный участник первых колымских экспедиций в качестве прораба-разведчика.

² Бертин Вольдемар Петрович (1888–1964) – брат Э. П. Бертина, профессиональный золоторазведчик, первооткрыватель золота на Алдане. В 1925–1927 гг. – управляющий трестом «Алданзолото».

³ Самое интересное, что из всех трех участников «договора» на Чукотку вскоре (1928 г.) отправился как раз «третейский судья» Вольдемар Бертин в качестве «комиссара» при экспедиции «Союззолота». Серьезных результатов тогда получено не было. Э. Бертин и Ю. Билибин на Чукотке так никогда и не побывали.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕМ СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
СОЮЗА ССР ОТ 26 ЯНВАРЯ
1946г. ПРИСУЖДЕНА СТАЛИНСКАЯ
ПРЕМИЯ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ**

ЦАРЕГРАДСКОМУ Валентину
Александровичу, Герою Социалистического
Труда, вымпелому геологоразведочного Управле-
ния Дальстроя, **РАКОВСКОМУ** Сергею
Дмитриевичу, **ВРОНСКОМУ** Борису
Ивановичу, **НАГАЮНУ** Евгению
Трофимовичу, **ШУМИЛОВУ** Петру
Михайловичу, **инженерам-геологам** того
же Управления, **БИЛИБИНУ** Юрию

Александровичу, старшему научному сотрудни-
ку Института изучения геологических
геологического института — за открытие и
исследование новых месторождений золота
на Северо-востоке СССР

инженеру Сергею ДМИТРИЕВИЧУ
РАКОВСКОМУ
Сергею Дмитриевичу

С. Д. Раковский
С. Д. Раковский

Рис. 1. Диплом о присуждении Сталинской премии I степени группе геологов Дальстроя, выданный С. Д. Раковскому

Е. Т. Шаталов позже вспоминал о том, как они в Ленинграде писали отчет о результатах полевого сезона 1933 г., последнего с участием Ю. А. Билибина [8]:

«Работали мы в только что построенном здании Геолкома на 19-й линии Васильевского острова¹. Юрий Александрович завел тетрадь для учета времени нашей работы, расписание было свободное. С. Е. Захаренко любил работать до позднего вечера и однажды в дневнике сделал такую запись: „Полночь. Ясно. Звезды“. Следующая запись, сделанная Ю. А. Билибиным, гласила: „10 часов утра. Ясно. Солнце. Ни одна „звезда“ не явилась на работу“».

Оттуда же, с Алдана, отправился на Колыму с Ю. Билибиным и Э. Бертиным их общий друг и сподвижник Сергей Дмитриевич Раковский (1899–1962) (см. рис. 2, в). На Алдан он попал со второго курса Иркутского политехнического института. А до этого пришлось поучаствовать в гражданской войне, причем даже на обеих сторонах (сначала к Колчаку «забрили», потом перешел к «красным»). Возможно, возникло желание быть подальше от мест, где могут вспомнить о колчаковском «пятне» в биографии, а может, просто работа в поле нравилась больше учебы, но только в студенты Раковский так и не вернулся. Отсутствие диплома не помешало ему стать одной из ярких легенд в истории колымской геологоразведки². Золоторазведчик он был от Бога, им лично была открыта едва ли не первая богатая залежь на речке Утиной, затем уже упоминавшаяся Среднеканская дайка, а впоследствии

и много других крупных и малых месторождений. Но это он уже делал в качестве начальника или главного геолога геолого-разведочных коллективов разного статуса – от партии до крупного управления. И во всех местах, куда забрасывала его судьба геолога-поисковика, он оставил о себе самую уважительную память, в том числе запечатленную в географической и сельско-городской топонимике этих мест. Его именем названы ручей в Среднеканском районе, порог на р. Бахапча в Тенькинском районе, улицы в г. Сусумане, пос. Нексикан, Ягодное, Усть-Нера, Батагай. Увы, многолетние полевые тяготы сказались-таки на здоровье, на пенсию в 1959 г. Сергей Дмитриевич выходил уже серьезно больным и вскоре умер в Москве, где и похоронен.

Еще один алданский знакомец Ю. А. Билибина, которого он заразил Колымой, – Петр Михайлович Шумилов (1903–1968) (см. рис. 2, г). Правда, в первых Колымских экспедициях Билибина и Цареградского он не участвовал, но тем не менее как геологоразведчик появился на Колыме одним из первых. Опыт золотоискателя он приобрел на Алдане, будучи там на длительной студенческой практике, так что после окончания Московской геолого-разведочной академии (МГА) в 1929 г. руководство «Союззолота» направило его сразу же на должность заведующего геолого-поисковым бюро своего колымского приискового управления. Вообще, в 1930–1931 гг. (до образования Дальстроя) на Колыме действовали сразу три самостоятельные геолого-разведочные организации (руководители Шумилов, Цареградский и Билибин соответственно), работавшие хотя и в тесном контакте, но отчитывавшиеся перед различным начальством. В 1932 г. все они были объединены в одну, но к этому времени Шумилова настигла еще одна характерная для колымского климата беда – цинга, да еще в тяжелой форме. И он покинул Колыму на целых семь лет. Но еще до войны вернулся и продолжил нелег-

¹ Имеется в виду новый корпус ЦНИГРИ (1934 г.), главное здание Геолкома было построено еще в 1914 г.

² Каким образом С. Д. Раковскому было присвоено звание горного инженера, которое полагалось только дипломированным специалистам, нам неизвестно, известно только, что для Дальстроя многие исключения из правил не были проблемой.

Рис. 2. Лауреаты Сталинской премии за открытие и исследование новых месторождений золота на Северо-Востоке СССР, полученной в 1946 г. за 1943–1944 гг.

а – Юрий Александрович Билибин; б – Валентин Александрович Цареградский; в – Сергей Дмитриевич Раковский; г – Петр Михайлович Шумилов; д – Евгений Трофимович Шаталов; е – Борис Иванович Вронский

кую, но успешную карьеру, пока болезнь снова не заставила покинуть суровый край в 1953 г.

Почти перед каждым профессиональным геологом рано или поздно встает вопрос дальнейшего пути: «поле» или наука?¹ С. Д. Раковский и П. М. Шумилов в нашей истории являются примерами профессионалов, сделавших сознательно и до конца выбор в пользу первого пути. Даже занимая руководящие посты, они не станови-

лись кабинетными начальниками², а оставались энтузиастами поисков и открытий, лично в них участвуя. Они не занимались наукой в прямом смысле слова, но выработанные ими на практике методики в конечном итоге входили в учебники и инструкции. Они отдали этому суровому краю (условно говоря, Колыме, хотя в неменьшей степени были исхожены бассейны Яны и Индигирки) все свои знания, умения, силы и здоровье. Да, таких в то время на Колыме было много, но они были первыми, и именно поэтому их имена заслуживают памяти потомков. Наличие же этих имен в списках лауреатов Сталинских премий – лишь повод для того, чтобы вспомнить об их реальных и несомненных заслугах (это относится и ко всем именам данного списка).

Если же говорить об успехах в карьере, то самое «крутое» восхождение по служебной лестнице совершил Валентин Александрович Цареградский (1902–1990) (см. рис. 2, б). В Первой Колымской экспедиции Билибина он руководил одним из трех отрядов (двумя другими – Э. Бертин и С. Раковский). Вторую Колымскую, по настоянию Билибина, возглавил Цареградский. После организации «Дальстроя» он еще какое-то время работал под началом Билибина, но уже в 1933 г. фактически занял его место. С этого времени он стал совершенно самостоятельным руководителем и оставался им до конца своей долгой службы в «Дальстрое». Структура геолого-разведочной службы треста сформировалась далеко не сразу, часто претерпевала разного рода реорганизации, но Валентин Александрович всегда был на первых ролях. Воззрения Билибина на геологическое строение региона он разделял, понимал также необходимость расширения территории поисковых работ в определенном направлении. Для начальства Дальстроя главными показателями были прирост разведанных запасов и рост добычи золота. Уже были созданы первые горно-промышленные управления (ГПУ) – Северное и Южное – и в каждом из них была организована своя геолого-разведочная служба, обеспечивавшая нужды уже работавших приисков. Тем не менее Цареградскому удалось убедить руководство в целесообразности «дальних разведок», и уже после отъезда Юрия Александровича он организовал и возглавил еще две чисто поисковые экспедиции: Верхнеколымскую (1933–1935 гг.) и Индигирскую (1935–1937 гг.)

Репрессии 1937–1938 гг., сменившие руководство Дальстроя, коснулись и геологоразведчиков,

² Быть начальником в этих местах в это время – это почти всегда означало руководить коллективом, где большинство составляли заключенные (а среди них часто могли быть и коллеги по профессии). Как правило, все руководители среднего звена в геологоразведке имели воинские звания по линии НКВД. Их человеческие качества при этом проявлялись неизбежно и определенно.

¹ Геологи-ученые тоже ездят в «поле», но именно с научными целями

но Цареградского они не затронули. Более того, в решениях упомянутой комиссии НКВД с участием Билибина содержалась и рекомендация о централизации геолого-разведочной службы Дальстроя с установлением единоначалия, при этом не исключено, что обсуждались и конкретные кандидатуры. Во всяком случае, вскоре Геолого-разведочное управление Дальстроя (ГРУ) было создано, и в 1940 г. официально, а фактически года на два раньше В. А. Цареградский стал его начальником. Это был уже высокий, «генеральский» номенклатурный уровень.

Надо сказать, что для развития геологоразведки за время своего «командования» Цареградский сделал много. Был создан научно-исследовательский отдел (ставший впоследствии институтом), где наряду с «вольными» геологами часто привлекались к работе и их коллеги, которым выпала доля заключенных. Были организованы геологические фонды и хранилища Дальстроя, начал выходить научно-производственный печатный орган «Колыма», геологи получили возможность научных командировок и т. п.

Когда московское руководство награждало работников Дальстроя за успехи, самые серьезные награды доставались, естественно, высшему начальству, к которому Цареградский теперь принадлежал. В 1944 г. ему вместе с тогдашним «хозяйном» Дальстроя И. Ф. Никишовым было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В 1945 г. он получил звание генерал-майора инженерных войск, в 1946 г. – Сталинскую премию. В 1948 г. он получил последнее повышение по службе: оставшись начальником ГРУ, стал еще и заместителем начальника Дальстроя. В этом же году В. А. Цареградского дважды (!) принял в своем кабинете в Кремле И. В. Сталин [5]. О чем шел разговор, можно только предполагать, не исключено, что о поисках крайне востребованного тогда урана на территории Дальстроя. Ураном Северо-Восток оказался небогат, но он там все же был, и на многопрофильном прииске Буттугычаг, долбя кайлом наряду с золото- и оловосодержащими породами также и урановую, зэки и не подозревали (как, впрочем, и вольные), что участвуют в создании ядерного щита страны, заодно получая неизвестные дозы облучения.

Столь стремительный взлет определенным образом сказался на характере и образе жизни В. А. Цареградского, отдалив его от друзей молодости – иной круг общения, иной уровень материального достатка. Эта оценка проскальзывает, например, в воспоминаниях Варсеник Вронской [3] – жены и постоянной спутницы одного из лауреатов Б. И. Вронского, самой поневоле ставшей геологом (а позже – писательницей). Во время войны на И. Ф. Никишова шли в Москву анонимки с описанием разгульной жизни магаданской «элиты». Фамилия Цареградского там тоже упоминается [6]. В своих же воспоминаниях, написанных уже

через много лет после отъезда с Колымы в 1955 г. [9], Валентин Александрович коснулся только периода Второй Колымской экспедиции. Обещал написать и дальше, но не успел, хотя прожил 88 лет, больше, чем кто-либо из его колымских сослуживцев первого призыва (кроме упомянутой Варсеник Вронской).

Будучи большим начальником, Цареградский находил время заниматься наукой, писал статьи, в соавторстве с С. С. Смирновым стал автором капитального труда «Северо-Восток Азии, его металлогения и оловоносность» (о колымском олове в нашем цикле будет отдельная статья). Ученым (по образованию, между прочим, палеонтологом), автором ряда крупных монографий и статей по разным вопросам геологии, он остался и после ухода с должности и переезда из Магадана в Москву, в частности, был членом Межведомственного стратиграфического комитета СССР, созданного в 1955 г. Но главным делом в жизни, в отличие от Ю. А. Билибина, для него остались Колыма и Дальстрой.

Известным ученым и отраслевым руководителем стал также Евгений Трофимович Шаталов (1908–1978) (см. рис. 2, д). Он окончил ЛГИ в 1930 г. и был оставлен ассистентом на кафедре кристаллографии и минералогии, которой руководил профессор Анатолий Капитонович Болдырев. Но уже на следующий год Ю. Билибин сманил его на работу в Охотско-Колымскую базу геологоразведки, которую он организовывал под эгидой московского руководства ГГРУ. Партия Шаталова Билибин давал задания, связанные не столько с поиском месторождений, сколько с геологическим изучением и картированием тех районов верховой Колымы и ее притоков, которые, по мнению Юрия Александровича, должны были стать продолжением золотоносной зоны, начинающейся с ручьев – притоков Среднекана. Причем задания эти Билибин давал иногда в оригинальной форме [8]: «Евгений Трофимович, мне сегодня приснился сон, что в правом притоке Дебина, по которому проходит Оймяконская тропа, есть золото. Не хотите ли вы возглавить геолого-поисковую партию в район Дебина – Сусумана?»

Шаталов располагал лабораторным оборудованием для петрографических анализов. Его партия отлично справилась с дальнейшим прослеживанием и установлением возраста эффузивно-туфовой пачки, несогласно залегающей на триасово-юрской песчанико-сланцевой толще и прорванной гранодиоритовыми дайками. Как потом выяснилось, эти особенности строения выдерживались и далее в направлении на северо-запад на протяжении добрых 700 км до устья р. Нера, впадающей в Индигирку.

После отъезда Билибина с Колымы Шаталов оставался там до 1946 г., работая на разных уровнях руководства геологоразведкой Дальстроя. Но научный склад ума давал ему возможность

формулировать результаты текущих работ в виде не только производственных отчетов, но и публикаций. В период обработки полевых материалов колымские геологи часто подолгу бывали в командировках в Москве и Ленинграде, Шаталов при этом успевал еще и на преподавательском поприще в ЛГИ отметить, скорее всего, на той же кафедре А. К. Болдырева. В результате он совместно с молодым выпускником МГРИ П. Н. Кропоткиным¹ издал в 1936 г. едва ли не первую монографию, обобщающую данные по геологическому изучению Колымского края: «Очерк геологии Северо-Востока СССР». Еще более фундаментальный труд Ю. А. Билибина «Основы геологии россыпей» появился годом позже. Публикационная и административная активность Шаталова позволила ему опередить самого Билибина и по времени получения степени доктора наук, при этом Евгению Трофимовичу она была присуждена по совокупности трудов не то в 1941, не то в 1942 г., а Юрий Александрович защитил диссертацию только в 1943-м. Став лауреатом Сталинской премии, Шаталов переехал в Москву, где сначала был заместителем директора отраслевого НИГРИЗолото, а в 1950 г. после основательной перетряски в руководстве Министерства геологии СССР стал заместителем нового министра П. А. Захарова. В этом же году ему была присуждена вторая Сталинская премия (на этот раз второй степени) в составе коллектива из пяти человек за чисто научную работу (хотя формально за производственные достижения) по составлению металлогенической карты золото- и платиноносности. Ис этого же года Шаталов сам стал членом Комитета по Сталинским премиям (вплоть до его ликвидации в 1956 г.). Таким образом, Е. Т. Шаталов – единственный среди колымских (вообще дальстроевских) геологов дважды лауреат Сталинской премии. Последним местом руководящей работы стал для него ленинградский ВСЕГЕИ (директор с 1963 по 1969 гг.)

Последний из нашего премиального списка (last but not least!) – Борис Иванович Вронский (1898–1980) (см. рис. 2, е). Это личность не менее колоритная, чем остальные. Будучи немного старше своих коллег по лауреатству, он успел повоевать на гражданской войне. Правда, Билибин и Раковский тоже в ней поучаствовали, но в отличие от них Вронский имел в кармане партийный билет (партии большевиков, имеется в виду). Приключений на его долю выпало много, но партийной карьеры не случилось, и когда все перипетии закончились и Борис Иванович решил стать

геологом, ему было уже 25 лет. Зато принимал его на геолого-разведочный факультет МГА сам академик В. А. Обручев. Учился на одном курсе с Петром Шумиловым и вместе с ним в 1926 г. попал на практику на Алдан. Дальше история понятная – знакомство с Билибиным и добровольная Колыма на долгие годы. Как и у Раковского с Шумиловым – до выхода на пенсию. Но, опять же в отличие от этих двоих, сохранил здоровье и работоспособность еще на два с лишним десятилетия. Поселился в Москве, но еще не раз бывал в Сибири в составе экспедиций, организуемых Комитетом по метеоритам АН СССР, в район падения Тунгусского метеорита (интересовался этой проблемой еще со студенчества). Кроме того, Б. И. Вронский стал писателем, автором книг «На золотой Колыме» и «Тропюю Кулика»².

Совсем недавно (уже в нашем веке) стало известно, что Борис Иванович был еще и поэтом. Об этом позаботились его дети и внуки, подготовившие к изданию в 2009 г. книгу его стихотворений. Их же стараниями недавно была издана книга [3], основным автором которой является Варсеник Месроповна Вронская (1902–2004) – личность сама по себе незаурядная. Она была последним живым свидетелем и участником первых лет колымской геолого-разведочной эпопеи. Вообще, жены многих из названных нами лауреатов (Билибина, Цареградского, Шаталова, Вронского) – это отдельная песня. Они не просто сопровождали мужей в этот далекий (можно сказать, дальше Сибири) край, они ходили вместе с ними в маршруты, осваивали, не будучи (тогда еще) геологами, профессию коллектора, попадали в сложные переделки, стоически переносили все тяготы и лишения. Теперь вот еще и очень яркие воспоминания одна из них оставила.

Теперь мы подходим к вопросу – а были ли среди геологоразведчиков-первопроходцев Колымы такие, чьи заслуги объективно не меньше, чем у некоторых из перечисленных лауреатов, но таковыми не ставших? На наш и, как выясняется, не только на наш взгляд, несомненно, были.

Прежде всего, необходимо сказать об уже упоминавшихся братьях Бертиных. Вольдемар Петрович Бертин (рис. 3, а), хотя и не участвовал ни в одной из Колымских экспедиций, на месте будущего Магадана побывал раньше всех участников – сначала (еще до революции) как старатель, а затем, в середине 1920-х гг., как уполномоченный правительства Якутской АССР по организации старательских приисков. Образование его ограничивалось двумя классами церковно-приходской школы, зато старательский опыт был, а организационный талант и революционные за-

¹ Петр Николаевич Кропоткин (1910–1996), внучатый племянник знаменитого революционера-анархиста и исследователя Сибири графа П. А. Кропоткина, работал геологом в Дальстрое в 1932–1936 гг., в дальнейшем стал крупным ученым, академиком АН СССР, был известен своими часто нестандартными взглядами на многие проблемы геологии.

² Леонид Алексеевич Кулик (1883–1942) – организатор и руководитель первых экспедиций по изучению Тунгусского феномена в 1920–1930-х гг.

Рис. 3. Братья Бертины – с их появления на Алдане в 1923 г. начался государственный этап освоения восточных «золотых кладовых» СССР.

а – Вольдемар Петрович; б – Эрнест Петрович

слуги выдвинули его в число ведущих руководителей золотопромышленности Якутии. Так уж получилось, что именно «под крылом» В. П. Бертина в поселке Незаметный (будущем городе Алдане) сформировался костяк первой билибинской экспедиции, где многие из будущих героев Колымы осваивали азы профессии. Он же познакомил Билибина с записями Розенфельда. И в дальнейшем пути Вольдемара Бертина и Юрия Билибина часто пересекались на сибирских «таежных тропах». В 1939 г. В. П. Бертин имел некоторые «неприятности» по линии НКВД, благополучно, впрочем, разрешившиеся. Дружбу со всей билибинской компанией Вольдемар Петрович сохранил на всю жизнь. После выхода на пенсию жил в Москве, умер в 1964 г.

Эрнест Бертина (см. рис. 3, б) на алданские прииски в Якутию заманил, безусловно, старший брат. Там он и стал в силу природных способностей, большой практики и склонности к самообразованию признанным мастером золотопоисковых дел. Подружившись с Ю. Билибиным на Алдане, он без колебаний отправился с ним в новые края, чтобы разделить с Юрием Александровичем и В. Цареградским все тяготы и успехи Первой и Второй Колымских экспедиций. Вот как характеризует личные и профессиональные качества Э. Бертина строгий оценщик В. Цареградский [7]:

«Эрнесту Петровичу Бертину было уже под сорок лет. Он рано начал трудовую жизнь. Окончив школу железнодорожников, работал машинистом на сибирской железной дороге. В годы революции и гражданской войны Эрнест Петрович участвовал в борьбе с белогвардейцами и интервентами в Забайкалье, на Дальнем Востоке, сражался в партизанском отряде. Позже в Иркутске работал следователем в губчека, а в 1923 г. переехал к брату на Алдан, где тот трудился в тресте «Алданзолото». Там Бертин впервые принял участие в поисках и разведке золота и в 1926 г. познакомился с Ю. А. Билибиным – в то время геологом треста „Алданзолото“. Оттуда по приглашению

Юрия Александровича в 1928 г. Бертин прибыл на Колыму для участия в Первой Колымской экспедиции. <...>

К этому времени Бертин, как говорят, уже много повидал и испытал на своем веку, был геологом с вполне устоявшимися взглядами, привычками и своим укладом жизни. Обладал он довольно твердым и, пожалуй, несколько жестким характером, большой выдержкой. К делу Эрнест Петрович всегда относился добросовестно, но без особой увлеченности. К совершенствованию своей специальности поисковика-разведчика не стремился и вполне довольствовался настоящим, не задумываясь о дальнейшем. Его отличало большое жизнелюбие. Он был страстным охотником и рыболовом, любил вкусно и много поесть и посидеть в компании, послушать и рассказать остроумные анекдоты. Свои суждения высказывал прямо и лаконично, при волнении сильно заикаясь. Он много курил (всегда папиросы „Казбек“), не прочь был поиграть в карты, но играл обычно сдержанно и, со стороны казалось, бесстрастно.

Эрнест Петрович был среднего роста, коренастый, на висках его крупной круглой головы едва намечались запысыны. По мнению многих, Бертин считался красивым. У него были правильные черты лица. Выступающий подбородок и серые холодные пронзительные глаза подчеркивали мужественность, а узкие и как бы поджатые, редко улыбающиеся губы придавали его облику оттенок суровости».

О судьбе Э. Бертина с начала 1930-х гг. вообще мало что известно. В Дальстрое он, по всей видимости, не прижился и покинул Колыму, скорее всего заодно с Билибиным. Работал по специальности еще во многих сибирских организациях, последние годы жизни провел в Ленинграде, где и умер в 1979 г. в возрасте 86 лет.

О Дмитрие Николаевиче Казанли (1904–1959) (рис. 4, в), не только практически в одиночку обеспечившем геодезическое сопровождение первых колымских экспедиций, но и создавшем сеть астрономических пунктов, которая использовалась потом долгие годы, известно, что он проработал на Колыме до 1938 г., когда был арестован и посажен в Магаданскую тюрьму НКВД (кроме лагерей, была и такая). Провел там целых три года, потом, к счастью (за недоказанностью!), был освобожден, но вынужден Колыму покинуть (такое вот наказание). Лауреатом серьезной госпремии он все же стал, но уже не Сталинской, а Ленинской – в области науки за 1958 г. за работы по металлогении Казахстана.

Знакомства с упомянутой тюрьмой в 1938 г. не избежали и два замечательных геолога, начальники партий во Второй Колымской экспедиции: Фаина Рабинович (1901–1941) (см. рис. 4, а), первая женщина-геолог Дальстроя, по ее инициалам назван руч. Эфка, правый приток р. Дебин), и

Рис. 4. Геологи, активно участвовавшие в открытии первых месторождений золота на северо-востоке СССР, но вынужденные покинуть Колыму в 1937–1940 гг.

а – Фаина Клементьевна Рабинович; б – Сергей Владимирович Новиков; в – Дмитрий Николаевич Казанли; г – Дмитрий Владимирович Вознесенский

ее муж Сергей Новиков (1904–1941) (см. рис. 4, б). Они и поженились во время этой первой для себя экспедиции. И в других экспедициях под началом В. А. Цареградского они были на первых ролях, открыли по нескольку месторождений золота каждый. За что их арестовали, видимо, непонятно было и самим чекистам, потому что освободили их через несколько месяцев. Увы, освобождение это не принесло им счастья, они уехали в Ленинград, где оба погибли в начале войны – Сергей Владимирович на фронте, а Фаина Клементьевна в блокадном городе.

Суровой оказалась Колыма и к своему неудачливому золотоискателю-энтузиасту Юрию Розенфельду (1874–1940). В 1933 г. его разыскали где-то в Забайкалье и привезли на Колыму, чтобы он показал те самые «гореловские жилы». Юрий Янович место вроде бы нашел, но «молний» там не обнаружил. Геологов, кстати, это не удивило: внешний вид обнажений в таком климате меняется быстро. Но у «органов» было свое мнение, Розенфельду дали было пять лет по статье за мошенничество, потом обвинение сняли, но с Колымы непустили. Какое-то время он заведовал Магаданским краеведческим музеем, но вскоре погиб от руки уголовника.

Весьма драматично складывалась биография одного из ближайших сподвижников Билибина и Цареградского (еще со времен

студенческой «сибирской секции») Дмитрия Владимировича Вознесенского (1904–1956) (см. рис. 4, г). Геологи Вознесенские – это династия, причем династия – по основному месту деятельности – именно сибирская. Ее основатель, горный инженер Владимир Александрович Вознесенский (1863–1927), был сослан в Сибирь за народолюбческие «грехи», ссылку отбывал в Иркутске и Якутске (где и родились его сыновья Николай и Дмитрий). На Колыму Дмитрий Вознесенский попал в составе второй Колымской, и уже в первый сезон (1931 г.), будучи во главе поисковой партии, работавшей на р. Тенькэ, сделал вывод о большой перспективности этого района. Прогноз оправдался не сразу, но после 1936 г. открытия там посыпались как из рога изобилия, и не только золота, но и олова, и урана. Тенькинский район до сих пор является одним из ведущих по запасам золота в Магаданской области, далеко не все прииски сейчас там до конца выработаны, а рудное месторождение Наталка соперничает по величине запасов с Сухим Логом, к его разработке всерьез только готовятся приступить, причем компания, которая его разрабатывает, сохраняет имя, данное в 1945 г.: «Рудник им. Александра Матросова». Д. Вознесенский считался мастером именно геологического прогноза, по его «наводкам» на Колыме было много еще что открыто, он был награжден орденом Ленина. Но в 1938 г. последовал арест и обвинение по очень серьезной статье – 58-1, контрреволюционная деятельность (КРД). Приговор в таких случаях был один – расстрел. Явных причин для такого поворота дел не было, была одна скрытая – в Ленинграде арестовали и, как выяснилось потом, уже расстреляли Николая, старшего брата Дмитрия, инженера-гидростроителя.

К счастью, в отношении Дмитрия приговор не привели в исполнение сразу, он провел несколько месяцев в камере смертников. Героические усилия по спасению мужа предприняла Мария Генриховна Вознесенская. Разумеется, если бы не короткий период «исправления отдельных ошибок» в деятельности НКВД в связи со сменой «команды Ежова» на «команду Берии», и ее хлопоты ни к чему бы не привели. Но без них «ошибка» уж точно не была бы исправлена. Мария Генриховна добралась до Москвы, пробилась в очень закрытые чекистские кабинеты и раздобыла все необходимые документы. Чего ей стоило уговорить взяться за дело знаменитого (и пользовавшегося доверием властей) адвоката Н. В. Коммодова, не знает никто (необходимые деньги собрали друзья-колымчане). И через два с половиной года после ареста Дмитрия Вознесенского освободили не по милости начальства, а по кассации, то есть, по сути, официально оправдали!

С Колымы супругам Вознесенским тоже пришлось уехать, впрочем, недалеко – на юго-восток Якутии в трест «Джугджурзолото», где

Д. В. Вознесенский работал главным геологом. Из Ленинграда они перевезли сюда двоих племянников – сыновей старшего брата (судьба его неизвестна, мать – в лагере). Позже они официально усыновят их и Дмитрий Владимирович даст им свое отчество (чтобы не создавать ребятам сложностей при поступлении в институт). Оба – Владимир и Сергей – закончили ЛГИ и стали геологами. Сергей Дмитриевич посвятил свою профессиональную жизнь Колыме, где до сих пор и работает, а Владимир Дмитриевич стал еще и писателем: все злоключения семьи Вознесенских подробно описаны им в книге [9].

После Джугджура Д. В. Вознесенский работал в разных местах и на разных должностях (Главзолото, ВСЕГЕИ), защитил кандидатскую диссертацию, но его истинное место было в поле, где он и проводил большую часть оставшегося времени жизни (в основном в Туве), всегда подтверждая репутацию блестящего геолога – методиста, прогнозиста и поисковика. Вот только времени оставалось немного – он умер, почти как Ю. Билибин, в 52-летнем возрасте в 1956 г.

Наконец, самым жестоким и трагическим образом вошла Колыма в судьбу выдающегося ученого – минералога и кристаллографа – профессора Анатолия Капитоновича Болдырева (1883–1946) (рис. 5). Среди сотен тысяч заключенных Дальстроя было немало геологов, в том числе известных, но из ученых такого уровня – один Болдырев. Его фамилия не значится в списках ни одной из колымских экспедиций, зато в списке его учеников в Горном институте немало колымских первопроходцев, в том числе трое из лауреатов, о которых мы здесь говорим (Билибин, Цареградский и Шаталов; последний, как уже упоминалось, был сначала студентом, а потом и ассистентом именно на кафедре Болдырева). Сам же он был лучшим учеником великого русского кристаллографа Евграфа Федорова, продолжателем его дела, создателем Федоровского института кристаллографии, минералогии и петрографии

и первой лаборатории рентгенографического анализа в России, признанным международным авторитетом в этой области.

Молодость у Анатолия Болдырева была бурно-революционной. Поступив в Горный институт в 1901 г., он успевал и научные работы публиковать, и в студенческих волнениях участвовать. Претерпел и изгнание из института, и ссылку на Урал, и солдатчину. В 1917-м как солдат был членом Петроградского совета, но от партии эсеров, и хотя вскоре из нее вышел, видимо, это сказалось в дальнейшем. Институт он формально окончил в 1919 г. и едва ли не сразу же стал профессором (а преподавать начал еще раньше). В 1920-х гг. его арестовывали дважды, но вскоре выпускали, а в 1937-м посадили окончательно. Причиной вполне могли стать доносы той части студентов и сотрудников Горного института, которым эсеровское прошлое профессора казалось подозрительным. Чекистам же для обвинения в шпионаже достаточно было неоднократных поездок Болдырева за границу (участие в международных конгрессах и пр.) Приговор сравнительно мягкий – пять лет лагерей (у эзков считалось, что именно столько давали «за ни за что»).

Первое, что сделал Болдырев, прибыв на Колыму (его поставили на общие работы – рытье котлована), написал и представил начальству научный трактат... «О рациональных методах ручной снегоочистки» (не оцененный, кстати, руководством). Слава богу, бывшие ученики, а ныне большие начальники, довольно быстро узнали о местонахождении профессора, но все, что они смогли сделать, – это перевести его с общих работ в научно-исследовательскую лабораторию при ГРУ Дальстроя. Но он так и остался в статусе заключенного.

В. А. Цареградский в интервью, данном в 1986 г. в Москве, на вопрос журналиста: «Как вам удалось привлечь на работу профессора А.К. Болдырева?» – ответил следующее:

Рис. 5. Колымский этап в жизни выдающегося ученого-кристаллографа Анатолия Капитоновича Болдырева а – в долине р. Теньки после освобождения; б – начальник Дальстроя И. Ф. Никишов вручает А. К. Болдыреву орден «Знак почета» (1945 г.); в – монумент на могиле А. К. Болдырева в Магадане

«Не хватало специалистов. Были затруднения с ремонтом аппаратуры – теодолитов, микро-скопов, геодезических приборов и даже горных компасов. Нужные люди были в контингенте заключенных на трассе. Я обратился к начальнику Дальстроя И. Ф. Никишову с просьбой об освобождении, точнее о расконвоировании некоторых специалистов, на что последовала положительная реакция: „Составьте список из 20 человек, но включите в него не только нужных вам лиц, но и горняков. Будем просить Москву. Подготовили список, в котором был и А. К. Болдырев. Письмо со списком было послано Сталину. Ответ пришел очень быстро от Берии, положительный. Болдырева расконвоировали. Он плодотворно работал в Магадане в научно-методическом отделе. Приезжавший к нам куратор академик С. С. Смирнов много общался с Анатолием Капитоновичем». Вот так, не хватало специалистов – привлекли зэков, а заодно и всемирно известного ученого. Некому было микроскопы чинить.

В. И. Вернадский, с которым Болдырев был хорошо знаком, записал в своем дневнике 9 февраля 1941 г. [1]: «Разговор с А. Н. Заварицким. <...> Говорил, что видел приехавшего из (название пункта пропущено. – *Авт.*), который видел Болдырева – сейчас работает среди ученых, но живет далеко (до 2 км) и трудно физически, а затем обычны неприятности бесправного человека: пошел с бутербродом – отняли и тому подобное».

Вернадский вместе с другими академиками (Обручевым, Заварицким, Ферсманом и др.) неоднократно писал письма в правительство о смягчении участи Болдырева, но это не помогло, и он фактически свои пять лет «оттрубил от звонка до звонка». Но и выйдя из-за «колючки» в 1943-м, он не чувствовал себя свободным, очень хотел вернуться в Ленинград, да не отпускали. Продолжал работать на благо «Золотой Колымы» В том, что научное обеспечение геологоразведки в Дальстрое было на вполне современном уровне, главная заслуга – его, профессора Алексея Капитоновича Болдырева. Дважды коллеги выдвигали его в члены-корреспонденты: в 1938 г. (помешал арест) и в 1946-м – помешала нелепая смерть. Дальстроевское начальство использовало его «на полную катушку» еще и по общественной линии: посылало читать лекции в отдаленные магаданские поселки. Одна из таких поездок в марте 1946-го и завершилась трагедией: автомашина провалилась под лед, шофер погиб, а Болдырев, выбравшись на берег, замерз в нескольких сотнях метров от жилого поселка Ола под Магаданом.

Цареградский в том же интервью сказал еще: «В ту трагическую поездку в Олу <...> его увезли работники политуправления без моего ведома, в мое отсутствие. Если бы я был в Магадане, то не разрешил бы выезд» [4].

Колымская земля чтит своих героев-первопроходцев. Стараниями энтузиастов, поддержанными областной Думой, на карте Магаданской области постепенно появляются горные вершины с именами не только лауреатов главной когда-то премии, но и Дмитрия Вознесенского, Дмитрия Казанли, Анатолия Болдырева, Фаины Рабинович, Сергея Новикова, Юрия Розенфельда. С этих вершин хорошо видно, что стало ныне с этим краем, где они делали первые шаги по геолого-разведочной целине.

Вот такие трагедийно-героические истории раскрываются всего за одной строкой Постановления Совета министров СССР от 26 января 1946 г. «О присуждении Сталинских премий за 1943–44 гг.» А таких строчек гораздо больше и не только за этот год. Но о них в следующих статьях цикла «Сталинские премии геологам. Открытия в земле сибирской».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вернадский, В. И.** Дневники. 1935–1941. Кн. 2. 1939–1941. [Текст] / В. И. Вернадский. – М., 2006.
2. **Волков, Г. Г.** Вексель Билибина: Документальная повесть о Первой Колымской экспедиции 1928–1929 гг. [Текст] / Г. Г. Волков. – Магадан : Кн. изд-во, 1978
3. **Вронская, В. М.** Таежные были [Текст] / В. М. Вронская. – М., 2011.
4. **Уральцы** на Колыме и Чукотке (1937–2000): Историко-биографический альманах. Кн. 2-я. [Текст] / Екатеринбург : УГГГА, 2001. – 386 с.
5. **На приеме** у Сталина (1924–1953) [Текст] / Ред. А. А. Чернобоев. – М. : Новый хронограф, 2010.
6. **Петров, Н.** Пиры рабовладельцев на невольничьих рудниках [Электронный ресурс] / Н. Петров // Новая газета. – Вып. № 133 от 28 ноября 2011. – <http://www.novayagazeta.ru/gulag/49709.html>.
7. **Цареградский, В. А.** По экрану памяти. Воспоминания о Второй Колымской экспедиции 1930–1931 гг. Ч. 1, 2 [Текст] / В. А. Цареградский. – Магадан : Кн. изд-во 1980, 1987.
8. **Шаталов, Е.Т.** Геологические прогнозы Ю. А. Билибина [Текст] // Колыма. – 1978. – № 7–8.
9. **Юкма-Вознесенский, Л.** Время собирать камни [Электронный ресурс] / Л. Юкма-Вознесенский // Проза.ру. – <http://www.proza.ru/2012/03/23/1661>.

© В. Ф. Свинын, 2013

От редакции. В предыдущем номере в статье В. Ф. Свинына «Сталинские премии геологам. Часть II. Открытия в земле Сибирской. Первостепенное золото» в разделе «Блеск и нищета Дальстроя» допущена опечатка: на с. 108 (левая колонка, строка 12 сверху) следует читать: на 01.01.1943 – 99 843.